

Полевые исследования

Энигма, враг или амиго?: роль аттитюдного фактора в конструировании опыта зарубежного трудоустройства украинских трудовых мигрантов

Алиса Толстокорова*

Целью данной работы является анализ миграционного опыта украинцев через призму аттитюдного и гендерного факторов, рассматриваемых в контексте как микро-практик, так и макро-динамики повседневного социального взаимодействия гостевых работников с представителями принимающих обществ. Для этого ставится более узкая задача выявления этнически маркированных и гендерно-стереотипизированных аттитюдных моделей, с которыми приходится сталкиваться украинским гостевым работникам во время работы за рубежом, а также идентификация их влияния на качество взаимоотношений с представителями принимающих сообществ.

Ключевые слова: украинская трудовая миграция, аттитюдный фактор, стереотипы этничности, стереотипы маскулинности, стереотипы феминности

Введение

«По одежке не встречают, по уму не провожают» — так можно перефразировать известную поговорку, чтобы отразить отношение к чужакам в современном глобализованном мире с его вызовами мультикультурности. Как показывают исследования (Jasinskaja-Lahti et al., 2006; Todorova et al., 2010; Ward et al., 2011), значимым аспектом конструирования опыта зарубежного трудоустройства трудовых мигрантов является отношение к ним со стороны местного населения, т.е. аттитюдный фактор. В данной работе он понимается как склонность индивидов реагировать благоприятным или неблагоприятным образом на некий объект, лицо, институт или событие, варьирующаяся по степени благоприятности или неблагоприятности в отношении различных аспектов окружения индивидов. Восприятие мигрантов и реакция на них со стороны коренных жителей может определяться как групповыми особенностями гостевых работников — географическим происхождением, плотностью концентрации в той или иной местности и ее характером (городская или сельская), степенью интегрированности в принимающее общество, так и индивидуальными характеристиками (возраст, пол, уровень образования, область занятости и т. д.) (Hood, Morris, 1997; Card et al., 2005; Kehrborg, 2007; Berg, 2010; Ward et al., 2011). Гендерный фактор является подоплекой специфических вызовов, с которыми приходится сталкиваться гостевым работникам во время работы за рубежом, поскольку одним из важных организующих

* Толстокорова Алиса, кандидат филологических наук, доцент, независимый исследователь. alicetol@yahoo.com.

факторов «мигрантскости» является процесс конструирования моделей феминности и маскулинности, восприятие которых может существенно отличаться в культурах обществ исхода и назначения миграции (см. Berg, 2010). Поэтому изучение данных аспектов зарубежного трудоустройства украинских трудовых мигрантов является *актуальной научной проблемой*. Однако, в то время как аттитюдные реакции на иммиграцию с точки зрения населения принимающих стран уже давно привлекают внимание исследователей, восприятие их самими мигрантами является неизученной научной проблемой. Это объясняет *цель* данной работы, направленной на выявление аттитудных моделей в отношении населения принимающих стран к украинским трудовым мигрантам, рассматривая их через призму гендерного фактора в контексте как микро-практик, так и макро-динамики повседневного социального взаимодействия гостевых работников с представителями обществ назначения. Социальное взаимодействие понимается здесь в терминах интеракционистского подхода Эрвина Гоффмана (Гоффман, 2009), трактующего этот концепт как разновидность событий, происходящих благодаря взаимному физическому присутствию и предполагающих внешние знаки вовлеченности. Специфика социального взаимодействия между мигрантами и местным населением предопределяется особенностями межэтнического взаимодействия этнического меньшинства с этническим большинством. При этом социокультурные аспекты межэтнического взаимодействия служат локусами идентичности мигрантов и предопределяют спектр аттитудных реакций во взаимоотношениях между ними и местным населением.

Аналитическим инструментом, используемым для изучения аттитудных моделей, формирующихся при социальном взаимодействии украинцев с местным населением в принимающих странах, является понятие «стереотип» как неотъемлемый элемент общественного сознания. Он понимается вслед за И.С. Коном (Кон, 1994) как концепт, аккумулирующий некий стандартизованный коллективный опыт и внушенный индивиду в процессе обучения и общения с другими, помогающий ему ориентироваться в жизни и определенным образом направляющий его поведение. Стереотип может быть истинным и ложным. Он может вызывать и положительные эмоции, и отрицательные. Его суть в том, что он выражает отношение, установку данной социальной группы к определенному явлению.

Эмпирическая база исследования: полевое исследование для данной работы является одним из компонентов многоэтапного транс-дисциплинарного проекта, направленного на изучение гендерных аспектов постсоветской украинской трудовой миграции, или «заробитчанства» — явления, которое, по словам экспертов, стало для многих украинцев не только стилем жизни, но и образом мысли и «групповой экзистенциальной культурой». На первом этапе (начиная с 2003 г.) проводилось выборочное включенное и невключенное наблюдение за целевой группой, ставшее возможным благодаря участию автора в научных проектах в странах Евросоюза. Это предоставило возможность непосредственного общения с работающими там соотечественниками и участия в деятельности их объединений и общественных организаций.

Летом 2008 г. были организованы глубинные интервью и дискуссия в фокус-группе с 25-ю украинскими экспертами по вопросам миграции, гендерных и женских исследований, социальной политики и социальной работы из государственных научно-исследовательских институтов и аналитических центров, министерств, посольств, неправительственных организаций, государственных центров трудоустройства и т. д.

В течение 2007–2013 гг. в Херсонской, Кировоградской и Тернопольской областях, в Киеве и во Львове проводились полужформализованные интервью с мигрантами и членами их семей (31 женщина и 12 мужчин разных возрастных групп). Методологическая стратегия исследования включала опрос респондентов, имевших опыт

работы за границей в прошлом, приехавших из-за границы навестить родных, а также тех, кто находился дома между циркулярными поездками на заработки за рубеж. Ряд интервью проводился в телефонном режиме, посредством интернет-программы skype и электронной почты. Имена респондентов в тексте изменены. Методологическим инструментом исследования являлся дискурс-анализ как метод описания смыслов, позволяющий эксплицировать картину мира респондентов (Варшавер, Рочева 2015, с. 323).

Аттitudные модели на основе стереотипов этничности

Этнические/национальные стереотипы, основанные на делении на «своих» и «чужих», традиционно являются частью обыденного сознания, отражая представления нации о самой себе или о другой, как правило, очень пристрастные (Филошкина, 2005, с. 142). Это в первую очередь относится и к образу мигранта как обобщенного «социального другого», формируемого прежде всего средствами массовой информации и анти-иммигрантской политической риторикой (Гасанов, 1994; Андреева, 2004; Мукомель, 2005; Стрельцова, 2005; Скребцова, 2007; Дробижина, 2013; Spoonley, 2003; Malinkin, 2013). Эти стереотипы могут носить как положительные, так и отрицательные коннотации, но независимо от страны трудоустройства уже сам «ярлык мигранта» (Абашин, 2014, с. 80) предполагает настороженное отношение к гостевым работникам как к «чужакам», ассоциирующимся в сознании местного населения прежде всего с негативными сторонами социальных сдвигов, с разрушением привычных ценностей и отношений (Померанц, 1994).

Несмотря на неоднозначное отношение к мигрантам в принимающих обществах, во многих из них сформировалось стойкое позитивное отношение к украинцам как желаемым гостевым работникам, поскольку в своей массе они отличаются трудолюбием, толерантностью, способностью к быстрой адаптации в незнакомой среде (Николаевский, 2007, с. 124). В экспертных интервью также неоднократно подчеркивалось, что украинцы в целом пользуются положительной репутацией у зарубежных работодателей и стереотипное представление о них зиждется на таких качествах, как высокая работоспособность, дисциплинированность, образованность, высокий уровень бытовой и общей культуры:

«Эти люди создают положительный имидж Украины, потому что те, кто туда едут, это прежде всего очень трудолюбивые люди, люди с высоким уровнем духовности. И даже итальянцы, когда их официальные лица сюда приезжают, они говорят, что украинцы, которые работают в Италии, они привносят духовность в итальянское общество, которой Италии так не хватает» (эксперт по вопросам миграции аналитического центра)» (28.06.2008).

Благодаря таким аттitudным моделям в принимающих обществах сформировался «спрос на украинцев» (Марков, 2009, с. 82). Так, в Португалии, являющейся основной страной назначения мужской миграции из Украины, отмечается потребность в украинских рабочих, славящихся мастерством строителей. Здесь даже бытует поговорка, что легче научить украинца говорить по-португальски, чем научить португальца строить так же хорошо, как это делают украинцы. В России, по мнению местных экспертов, приток мигрантов из Украины отвечает представлениям и ожиданиям населения, которое испытывая неприязнь к мигрантам из центральной Азии, приветствует присутствие русскоговорящей, пророссийски настроенной украинской рабочей силы на российском рынке труда (Чудиновских, 2014).

Однако, как это ни парадоксально, положительные коннотации, связанные с образом украинских гостевых работников, могут иметь неблагоприятный эффект для их взаимоотношений с местным населением, поскольку такие их качества, как трудолюбие, добросовестность и дисциплинированность могут интерпретироваться как индикатор высокой эксплуатируемости, чем пользуются работодатели, а сами мигранты немало страдают. Как заметила в неформальной беседе эксперт по вопросам миграции: *«На африканцах далеко не уедешь, где сядешь — там и слезешь, а вот на украинцах [можно ездить] — сколько угодно. А кто везет, того и погоняют»* (23.04.2012).

Кроме того, в общественном сознании принимающих обществ широкое распространение получает аттитудный негативизм, базирующийся на ксенофобии и нетерпимости по отношению к мигрантам. Мигрантофобию как «причудливое последствие» «психологии осажденной крепости» (Паин, 2014), свойственной современному «веку миграции», ощущали информанты проекта, подчеркнувшие, что этот фактор существенно осложняет положение украинцев в странах трудоустройства, создавая им негативную «социальную репутацию». Вот что сказал в интервью информант Денис, 42-летний преподаватель вуза, ездивший на заработки в российскую столицу: *«Москва никого не ждет, никого не гонит. Но второсортность ощущается. Даже не второсортность... мы здесь не второй и даже не третий сорт, а тридцать третий. Пока не научился говорить «а» по-московски, только тогда отношение стало меняться»* (11.07.2012).

Субъективные впечатления информанта, озвученные в данном интервью, подтверждаются социологическими исследованиями динамики отношений россиян к украинцам и украинцев к россиянам, свидетельствующими об очевидном аттитудном дисбалансе между двумя народами (Дацюк, 2014). С одной стороны, начиная с 2008 г., отношение украинцев к россиянам отличается стабильностью. В то время приблизительно от 80 до 88% украинцев хорошо относились к россиянам, и это отношение было фактически неизменным на протяжении последних лет, ухудшившись лишь во время известных событий конца 2013–2014 гг.: сначала до 82% в ноябре 2013 г., а потом до 78% в феврале 2014 г. (Динамика отношения..., 2014). С другой стороны, в марте 2008 г. лишь 50% россиян относились к украинцам положительно, причем такое отношение постоянно ухудшалось (Мищенко, 2013): в январе 2015 г. эта цифра упала до 24% (Левада-Центр, 2015).

Наличие аттитудного дисбаланса между российским и украинским информационным пространством подтверждали и другие информанты. Так, Игорь, житель небольшого курортного города на юге Украины и профессиональный музыкант, во время гастрольных подработок в российской столице в середине 2000-х годов остановился у своих украинских знакомых, проживавших в коммунальной квартире в центре Москвы. Аттитудный негативизм по отношению к украинцам, проявившийся в близком социальном взаимодействии на уровне бытового общения с россиянами-соседями по квартире, заставил его пересмотреть отношение не только к россиянам, но и к собственной этнической идентичности: *«Ну ты же отлично знаешь, мы все тут говорим по-русски, считаем себя русскими, я сам себя всегда воспринимал исключительно как русского. Но после этого [поездки в Москву] — все! Я не-на-ви-жу этот народ. Я не хочу, чтобы меня считали русским»* (22.06.2013).

Возможно, недоброжелательное отношение к гостю российской столицы, так негативно повлиявшее на собственную аттитудную реакцию информанта, частично объясняется сугубо московской спецификой, поскольку многие приезжие, особенно гастробайтеры, в Москве ощущают враждебность окружения, в котором сложно завести настоящих друзей (Weine et al., 2013, p. 68). С другой стороны, аналогичные сентенции звучали и в других интервью, где «фактор чужого» проявился в совсем ином контексте. Практически теми же словами сформулировал свое отношение к россиянам

информант-харьковчанин, 8 лет проработавший на квалифицированной работе в Канаде, где он женился на москвичке. Трансграничные семейные отношения с московской родней супруги сформировали у него стойкий аттитюдный негативизм по отношению к их стране, нации и культуре в целом, с которой русскоязычный информант отказался себя ассоциировать. Поэтому в данном контексте не следует исключать влияния факторов, на которые обращают внимание российские исследователи. В частности, И. С. Кон указывает, что предубеждения против «чужаков», укоренившиеся в российском обществе и превратившиеся в норму общественного поведения, сознательно используются для разделения людей, отвлекая их внимание от коренных социальных проблем и тем самым помогая господствующим классам удерживать свою власть над ними (Кон, 1998). Это согласуется с утверждением Л. М. Дробижевой о том, что отношение к мигрантам практически никогда не бывает связанным только со встречей с чем-то новым, непривычным. Оно формируется в связи с конкретными интересами заинтересованных людей или групп. Мифы или какие-то характерные особенности, идущие от исторических описаний, входящие в стигматизацию групп, конструируются силами, которые в этом заинтересованы (Дробижева, 2013). Украинские эксперты отмечали, что особую роль в этом играют средства массовой информации: *«Уже более 10 лет СМИ формирует негативное отношение к мигрантам. Это связывается с проституцией, торговлей людьми и т. д. (эксперт по вопросам миграции и диаспоры)» (01.07.2008).*

Аттитюдные модели на основе стереотипов маскулинности

В средствах массовой информации трудовая миграция подается преимущественно с позиций маскулинной идеологии: как «сугубо мужское дело» (UNIFEM, 2009, р. 5), ассоциирующееся как с позитивными, так и с негативными маскулинными качествами: склонностью к риску, преодолением опасностей и проявлением мужественности наряду с грубостью, криминальностью, вирильностью, насилием и т. д. Тем самым в общественном сознании создается искаженное представление о трудовой миграции как о «спектакле маскулинности» (Гладарев, 2007).

Однако, по данным полевого исследования, в отношении украинцев в принимающих странах преобладают аттитюдные модели, основанные скорее на стереотипе «девальвированной маскулинности» (см. Толстокорова, 2014). Исследования показывают, что в Западной Европе и Северной Америке украинские гостевые работники чаще всего ассоциируются с мафией, проституцией, гендерным насилием (Європа без бар'єрів..., 2012). Информанты указывали на то, что господствующая в представлении западноевропейцев аттитюдная ассоциация постсоветских мужчин со злоупотреблением спиртными напитками и алкоголизмом не лишена оснований. Проведенное чешскими специалистами социологическое исследование состояния здоровья постсоветских мигрантов, в том числе украинцев, свидетельствует о том, что в сравнении с местным населением они намного чаще курят и употребляют алкоголь (Dobiasova, Hnilicova, 2010). В интервью газете «Украина молодая» украинский разнорабочий в Барселоне рассказывал: «Кое-кто спивается. Скажите, как он может удержаться, когда в день зарабатывает на 80 литров вина? А люди сами, без контроля семьи, так вот каждый день устраивают гулянки по разным поводам. Иногда меня просили — пойдём в «Вестерн Юнион», вышлем деньги в Украину, а то я сам не донесу. И я многих водил, как малых детей» (Косинська, 2008).

Информанты указывали на то, что к злоупотреблению спиртными напитками мигранты прибегают как к средству борьбы со стрессами и одиночеством. Это подтверждается исследованиями, показывающими, что хотя эмоциональные переживания мужчин-мигрантов редко предаются огласке, они, безусловно, также страдают, а их стратегии эмоциональной защиты могут иметь даже более самодеструктивный эффект,

чем у транснациональных матерей (Carlin et al., 2012, p. 195). Однако, в силу распространенного в обществе гендерного стереотипа, предполагающего, что мужчина должен быть сильным, заботиться о семье и по умолчанию просто не может быть пострадавшим, мужчины не хотят признавать себя таковыми и остаются один на один с проблемами, которые проявляются в депрессиях, конфликтах, зависимостях и т. п. (Климчук, 2011, с. 22; IOM, 2008, p. 11). Чаще всего эмоциональное напряжение, одиночество, психологические комплексы из-за несоответствия принятым нормам маскулинности получают выход в злоупотреблении алкоголем и неупорядоченных половых связях (Pribilsky, 2004; Worby, Organista, 2007; Schmalzbauer, 2005).

Информант Петр (49 лет), трудившийся разнорабочим в странах Евросоюза, рассказал, что к стереотипному образу алкоголиков украинские мужчины присовокупили репутацию мелких воришек спиртного. Он поделился наблюдениями о тех ухищрениях, к которым прибегают наши соотечественники за границей, чтобы бесплатно и безнаказанно наслаждаться дегустацией самых дорогих и изысканных напитков в винных отделах супермаркетов, не подозревая, что за их «тайными» действиями не только пристально наблюдают, но и фиксируют на пленку: *«Ну скажи, вот как к нашим потом относиться будут, если он вот такое вытворяет? Вот смотри: зашел в супермаркет, ну, типа, прохаживается, глазает, что там на прилавках. Потом так: зашел в такой закуток, ну, вроде пусто, нет никого. Туда — зырк, сюда — порядок. Нашел классную бутылочку, быстренько крышку скрутил и — буль-буль-буль... Лепота! И тут же на место ее, вроде как «нас тут не стояло». И дальше гуляем. А то бывает и за пазуху ее, да, тоже есть любители. А оно ж не сообщает, что там везде камеры стоят, каждый шаг твой записывается. Походит к кассе, руки показывает, ну, типа: «Пустой, нет ничего». А она ему: «А за коньячок кто платить будет?» «Какой коньячок? Ты че?» Ну, тут и секьюрити, конечно, подтягивается. «Плати, брат, вот тут на пленочке все твои выкрутасы». Так чему потом удивляться? Кто нас потом уважать будет?» (23.01.2011).*

Учитывая, что в общественном сознании употребление алкогольных напитков является маркером маскулинности (Громашева, 2011; Fiddes, 1993; Haukanes, 2003), возможно, такое поведение можно считать проявлением маскулинного «super-хохлизма» (Пешкова, 2005, с. 146–147).

Аттitudные модели на основе стереотипов феминности

Как свидетельствуют материалы полевого исследования, реакции местного населения на украинских мигранток характеризуются широким разнообразием. Результаты анализа позволили выделить следующие аттitudные модели по отношению к ним.

Модель «заботливые берегини»

Экспертные интервью показали, что в странах назначения украинской трудовой миграции, особенно в Италии, являющейся основной принимающей страной женских миграционных потоков из Украины, украинские сиделки, няни и домработницы пользуются хорошей репутацией и высоко ценятся. Как сообщил в экспертном интервью посол Италии в Украине, на его родине участие украинок на местном рынке труда весьма приветствуется. Итальянцы ценят в них то, что они более ответственны и дисциплинированы, чем мужчины, не приносят хлопот своим работодателям, проявляют себя как заботливые, чистоплотные и обязательные работницы. О таком отношении к украинкам в странах назначения, в частности, в Испании, говорили и информанты: *«Наши украинские женщины востребованы везде, потому что они и красавицы, и прекрасные хозяйки, и ответственные матери. Где бы она ни жила, украинка, даже в самых отвратительных условиях, она*

всегда сможет превратить это место в «настоящий дом». Там всегда будет чистенько, уютненько, там всегда будет огородик с огурчиками-помидорчиками и садик с цветочками под окнами. Вот Майя как раз такая. Красавица женщина и замечательная хозяйка. Поэтому, как только она нашла себе там работу, в Испании, начала обживать, ее хозяин-испанец тут же ее заприметил и глаз на нее положил» (Варвара, 68, мать мигранта в России, 17.08.2011).

Действительно, славянские женщины пользуются большим спросом на международных брачных рынках и умело используют свои преимущества для обеспечения будущего семейного благополучия, вступая в смешанные браки с мужчинами из более экономически успешных государств. Украинки являются высококонкурентными даже в соседних славянских странах, например, в России, благодаря высокому качеству их человеческого капитала и классическому образу украинки как идеальной «берегини», т. е. хранительницы домашнего очага, господствующему в обыденном сознании рядовых россиян. Это в частных беседах подтверждали российские эксперты по вопросам миграции.

Модель «похитительницы мужей»

В таком контексте неудивительно, что в принимающих странах об украинках сложилось представление как о «похитительницах мужей». Так, в Греции их за это считают «чуть ли не врагами народа» (Гошій, 2013), а в Италии окрестили «Vorago», т. е. охотницы за чужими мужчинами (D'Ottavio, 2006). Такая репутация нередко вызывает у местных жителей, особенно женщин, аттитюдный негативизм. Социологические исследования украинской миграции показывают, что этот «миграционный миф» не имеет под собой оснований. В той же Италии всего 5% опрошенных украинок отметили, что намерены выйти замуж за итальянца (Акімов, 2009). Скорее всего, этот миф является реакцией местного населения на образ «интимного другого» (Truong, 1996, с. 47), вернее «другой», занимающей в социальной иерархии самую нижнюю ступень, но более успешную в приватной сфере интра-гендерной конкуренции. Такое мнение прозвучало в интервью с Илоной, 34-летней переводчицей и журналисткой, которая работала в качестве «aux-pair» в Германии, а затем в Австрии, где вышла замуж и стала матерью двоих детей: «В Германии появилось много роликов, они там говорят, что наши «aux-pairs» жаждут одного — выйти замуж, что «aux-pairs» — это только повод туда попасть, а не цель, чтобы изучить язык и культуру. Ну, а что они хотят? Нам же ничего не остается. И потом, наших девочек здесь охотно берут замуж. Для наших выйти здесь замуж — не проблема. У наших и внешность, и все мы умеем, и трудолюбивые. Так чему удивляться?» (23.08.2012).

Аттитюдный шовинизм в отношении к украинкам как успешным бенефицианткам межгендерных отношений в транснациональных браках подтверждается образами из художественной литературы. Так, в нашумевшем англоязычном романе Марины Левицкой «Краткая история тракторов по-украински» (Lewuska, 2005), дочь 84-летнего англичанина украинского происхождения откровенно пасует перед напором молодой мачехи — энергичной украинской иммигрантки, «взорвавшей» буржуазный быт английской семьи «словно розовая пушистая граната». Эта «шикарная блондинка-разведенка», игнорирующая традиционный гендерный этикет и использующая свою женскую привлекательность в качестве пропуска в «хорошо охраняемый процветающий клуб западного мира» (Beck, Beck-Gernsheim, 2005, с. 5), воспринимается западным обителем как угроза пуританской морали и этике. Подобная аттитюдная модель служит основой для стереотипа об украинских женщинах как об искусительницах, часто муссируемый в прессе принимающих стран. Однако и информантки, и эксперты отмечали,

что легенда об украинской заробитчанке как «охотнице за мужьями» является надуманной и необъективной. На это обратила внимание эксперт по вопросам миграции и диаспоры: *«У меня на работе есть две молодые женщины. Их матери работают в Италии... Но ни одна из них в Италию уезжать не собирается. Они говорят: «Мы хотим выйти замуж за украинских мужчин, иметь украинских детей и воспитывать их в Украине... Имейте в виду, что когда их матери уезжали за границу, они были еще совсем подростками, одной четырнадцать, другой тринадцать. Эти дети жили сами по себе, совсем одни, и тем не менее...» (01.07.2008).*

Кроме того, указанная аттитюдная модель является небезопасной, т. к. создает неблагоприятный контекст для работы женщин в семье работодателя и для интеграции в принимающее общество. Несколько наших респонденток сталкивались с агрессивностью хозяек, обвинявших их в посягательствах на своих мужей.

Модель «объекты страсти нежной»

Между тем многим женщинам, особенно гостевым работницам в Италии, приходилось оказывать сопротивление сексуальным домогательствам любвеобильных местных мачо, пыл которых не зависел ни от их собственного возраста, ни от возраста объекта вождления. Ирина рассказала, что ее 85-летний хозяин, не встававший с инвалидной коляски, не упускал возможности пофлиртовать с ней и не уставал сожалеть об утраченном мужском потенциале истинного ловеласа. Елена, 53-летняя домработница в большой итальянской семье, рассказала, что ей приходилось «отбиваться» от назойливых ухаживаний всей мужской половины рода:

«В первую же неделю, как только к ним переехала, так сразу и началось. Они как узнают, что украинка в доме есть, так и начинают! Сначала хозяин стал вокруг меня крутиться. Я — ни гу-гу. Он и так, и сяк, я делаю вид, что ничего не понимаю. Ну, потом, видно, решил, что не произвел на меня впечатления как мужчина, отстал. Ну, думаю, слава Богу! Не тут-то было! На следующей неделе к нему сын на выходные в гости приехал. Опять та же история. Отбиваюсь, как могу! Остался ни с чем. Ну, думаю, теперь уже точно оставят меня в покое. Ага! Жди! На следующие выходные брат его приехал и давай ходить вокруг меня кругами, а потом вообще стал руки распускать. Эх, как меня все это достало! Как хватанула с плиты кастрюлю, да как вlepила ему в лоб! «Ах ты, паршивец ты такой! Украинки он попробовать захотел! А вот тебе украинка!»! Он как завизжит: «Ой! Ты мне сделала больно!» «А-а-х, какие нежности! Больно ему! А мне, думаешь, не больно, что меня как женщину унизил?» И все, как отрезало. Потом они у меня как по струнке ходили. Так я все-таки в возрасте уже, умею за себя постоять. А как оно, если девочка молоденькая, неопытная еще? Один раз уступила, другой, а потом пошло-поехало. Пропадают здесь девчонки» (10.11.2011).

Подобные гендерно-стереотипизированные и эротизированные аттитюдные модели местного мужского населения по отношению к украинским гостевым работницам в свою очередь генерируют реверсивные аттитюдные реакции. Практически все женщины, работавшие в Италии, отзывались об итальянцах обоего пола как о людях, неразборчивых и нечистоплотных в интимных отношениях.

Сексуализованная аттитюдная модель в отношении мигранток из стран бывшего СССР во многом обусловлена тенденцией к «эротизации телесности мигрантов» (D'Ottavio, 2006) и так называемым «Наташа-дискурсом» (Şimşek, 2010), зиждущимся на стереотипном образе соблазнительной блондинки, безотказной в плане сексуальных притязаний, распространяемым средствами массовой информации стран назначения трудовой миграции (см.: Фиалкова, 2005, с. 39–43). Информантки и эксперты указывали, что возникновению этого стереотипа немало способствовало часто

цитируемое как в прессе, так и в научной литературе высказывание, приписываемое экс-президенту Леониду Кучме, который в интервью корреспонденту итальянской газеты якобы назвал украинок, работающих в Италии, «проститутками»¹. Масла в огонь аттитюдного негативизма к украинским мигранткам в Западной Европе подливают эпатажные выходы известной группы «FEMEN». Так, в ноябре 2011 г. ее участницы провели одиозные акции протеста «Молот ведьм» в Риме и Ватикане, усиливая их эффект плакатами с шокирующими нецензурными лозунгами. Это событие оскорбило христианские чувства итальянских католиков и вызвало неоднозначную реакцию в украинской диаспоре, состоящей преимущественно из женщин, репутация которых пострадала в первую очередь (Украинцам в Италии..., 2011). Чтобы отстоять свое женское достоинство, они даже поставили спектакль, в котором высказали свое негативное отношение к акциям радикальных соотечественниц (Українські заробітчани..., 2012).

Модель «три в одном: сексизм, ейджизм, шовинизм»

Интервью свидетельствуют о том, что аттитюдные реакции коренного населения по отношению к мигрантам базируются на сочетании этнических факторов с гендерными и возрастными. Так, информантки, работавшие домработницами в Москве, подтвердили данные об организации полицейских «облав» на нелегальных мигрантов в крупных городах России, но опровергли утверждение, что наличие регистрации в документах проверялось только у мужчин, и никогда у женщин (Бредникова, 2003, с. 146). Более того, гостевые работницы утверждали, что украинки, особенно молодые, иногда становились объектами особого внимания со стороны российских «стражей порядка»: *«У меня регистрации не было, так я в паспорте всегда деньги держала. На тот случай, если задержат и потребуют паспорт. Ну, чтобы не придирались и в кутузку и не уволокли. Знаете, они нас, хохлушек, на раз вычисляют. По внешности, по речи, да черт их знает как! Это уже у них вроде бы как такой профессионализм ментовский. Но, слава Богу, пронесло, ни разу не остановили. Но я всегда деньги держала наготове. Если что — всегда есть что «дать на лапу» ментам»* (Марина, 54 года, уборщица в Москве, 12.02.2011).

На сочетание «сексизма» и «эйджизма» в отношении к украинским гостевым работницам в России со стороны правоохранительных органов указала Светлана: *«Да, документы — это проблема. Но больше для молодежи, особенно для молоденьких девушек. К ним чаще придираются, чем к нам, ну, кто уже в возрасте. Молодые как раз главная группа риска. Всегда можно пришить проституцию. И с этим много поганых историй связано. Часто на них просто облавы устраивают. Если документов нет — все: обвинение в занятии уличной проституцией, а потом ведут в отделение. А там уже и изнасилования, и групповуха, и все, что угодно. Чего только там не происходит с этими девочками молоденькими! Они ж беззащитные совсем. Так рассказывают, что многих и венерическими [болезнями] заражают, и избивают их»* (Светлана, 56 лет, няня в московской семье, 25.02.2011).

Исследователи показывают, что шовинизм в отношении к украинкам, сопряженный с гендерной дискриминацией по возрасту и внешности, начинается еще на стадии получения визы в посольстве страны назначения. С этим столкнулась молодая женщина, желавшая выехать в краткосрочную поездку в Италию: *«В очереди в консульское*

¹ Как свидетельствует личная переписка с американской коллегой, занимающейся исследованием миграции украинских женщин в Италию, поиск этого интервью в материалах итальянской прессы не дал результатов, как не было найдено никаких упоминаний о визите Леонида Кучмы в Италию или каких-либо его интервью итальянской прессе в указанный период.

отделение... как-то услышала, что если тебе тридцать, ты не замужем, да еще и блондинка, то визу не получишь. Все — словно обо мне! Подумала — шутки... Но когда осталась без визы, поняла — все намного сложнее» (Музыка, 2006, с. 77).

С точки зрения концепции социальной реальности Пьера Бурдьё (Bourdieu, 2011) такую аттитюдную модель в отношении женщин, в особенности молодых и привлекательных, можно расценить как «символическое насилие», посредством которого «гипнотическая власть» истеблишмента принимающих государств легитимирует свое «маскулинное доминирование» по отношению к обществу с «сильными женщинами, но слабой властью» (Zhurzhenko, 2004). Кроме того, исследователи указывают, что «гиперфеминность» мигранток, в том числе украинок, выполняет компенсаторную функцию, позволяя этим женщинам дистанцироваться от условий жизни, которые они считают унижительными (Cvajner, 2011).

Аттитудный шовинизм ощущали многие женщины, указывавшие, что предвзятое отношение к мигранткам во многом формируется средствами массовой информации. Так, летом 2012 г. разгорелся международный скандал, вызванный оскорбительными высказываниями польских радиожурналистов в адрес работающих в их стране украинских гостевых работниц. После многочисленных протестов украинских общественных организаций и критики правозащитников в адрес редакции, журналисты принесли извинения украинской стороне, а их программа была закрыта (УНИАН, 2012).

Модель «дегуманизация и демонизация»

Женщины, трудившиеся домработницами в российской столице, упоминали о телевизионных роликах, предупреждавших россиян о рисках и опасностях, связанных с наймом иностранных домработниц для частных домохозяйств. В них мигрантки представлялись в крайне невыгодном свете, что накладывало отпечаток на отношение к ним со стороны окружающих и существенно осложняло процесс адаптации женщин к принимающему обществу. Информантки жаловались, что им тяжело было мириться с тем, что с целью контроля за ними работодатели устанавливали в помещениях камеры слежения и прослушивающие устройства для домашних телефонов: *«Вся работа обслуживающего персонала просматривается и записывается на видеокамеру. Наше общество в данном отношении более целомудренное, чем общество людей, которые пытаются посмотреть на проблему сквозь призму своих духовных немощей. Есть над чем призадуматься!»* (Юлия, преподаватель вуза, гувернантка в Москве, 05.06.2011).

Как справедливо отмечают российские коллеги, опасность подобной «дегуманизации трудовых отношений» заключается в том, что испытывающие ее, естественно, не будут питать уважения и теплых чувств к российским работодателям, а порой и к России в целом, ассоциируя с ней пережитые лишения (Дмитриев, Пядухов, 2011, с. 56). Другой опасностью является то, что «демонизация» образа мигранта (Lazaridis, 2007, с. 239) и ксенофобия нередко приводит к социальной эксклюзии как крайней форме социальной стратификации, а это лишь усугубляет аттитудный негативизм и провоцирует напряженность во взаимоотношениях между местными жителями и гастарбайтерами. В свою очередь отсутствие доверия между сторонами трудового контракта повышает издержки на обеспечение условий безопасности, так как требует оплаты контролирующих и надзирающих органов, юристов, охранников и т. д., в то время как общество с повышенной степенью внутреннего доверия и априорным уважением к правам личности автоматически снижает расходы на обеспечение безопасности и тем самым резко повышает эффективность функционирования экономики в целом (Сулейменов и др., 2014, с. 48–49).

Модель «транзакции взаимности»

В то же время многие женщины отмечали, что находили понимание у своих работодателей, которые по мере сил пытались помочь и поддержать их в сложных жизненных ситуациях. Так, с благодарностью вспоминала о своем работодателе информантка Мария, работавшая няней в московской семье. Она рассказала, что когда у нее начались проблемы со здоровьем, ее «хозяин», высокопоставленный чиновник и бизнесмен, помог ей найти квалифицированных врачей и воспользовался своими личными связями, чтобы организовать ей хирургическую операцию в клинике высшего уровня и даже помог в оплате медицинских услуг. Несколько женщин подчеркивали в интервью, что их работодатели ценили их преданность принимающей семье и детям-клиентам, что проявлялось в предоставлении финансовых бонусов, дорогостоящих подарков или дополнительных отпусков в честь праздников, дней рождений и других важных событий. Многие информантки отмечали, что смогли наладить со своими работодателями не просто хорошие деловые отношения, но даже дружеские и теплые межсемейные связи, которые продолжались и после того, как домработницы вернулись домой в Украину. Некоторые работодатели приглашали к себе в гости детей или членов семей домработниц и сами ездили погостить у них на родине. Нередко они настолько привыкали к своим служанкам, что не хотели их отпускать, когда тем приходило время заканчивать работу и увольняться.

Такие аттитудные модели, базирующиеся на «неконтрактных аспектах контракта» (Durkheim, 1984), способствуют построению отношений доверия и интимности между участниками трудовых отношений и не только создают доброжелательную атмосферу в рабочем микроколлективе домашнего хозяйства, но могут способствовать возобновлению миграционного цикла. Так, многие респондентки упоминали о том, что благодаря таким доброжелательным, уважительным отношениям их «хозяева» способствовали «карьерному росту» своих домработниц, рекомендуя женщин другим перспективным клиентам через свои неформальные сети. Именно таким образом смогла сделать «карьеру домработницы» Ольга (49 лет), которая оставила должность главного инженера коммунальной службы в украинской провинции для работы уборщицей в муниципальной службе Москвы. В одном из обслуживаемых ею домохозяйств ее попросили помочь при подготовке праздничного стола. «Кулинарные чудеса» Ольги были по достоинству оценены ее хозяевами, и они не только щедро отблагодарили ее за помощь в организации важного мероприятия, но и стали рекомендовать женщину в качестве повара эксклюзивных блюд своим обеспеченным знакомым, которые могли позволить себе оплату подобных услуг.

«Ой, как зашла на кухню и открыла холодильник — у меня просто глаза разбежались. Я такого изобилия никогда не видела! Ну что сказать, если там огромный холодильник, и забит до отказа всякими деликатесами. Ох, я тогда душу отвела! Такое вдохновение нашло! Я там такие чудеса творила, что они языки попроглатывали... На следующие выходные меня к себе пригласили их родственники. И так пошло-поехало. Стали рекомендовать меня своим знакомым. Я на этом стала зарабатывать больше, чем на основной работе. Ну это же туалеты драить! Работа чистая, приятная, и относятся к тебе как к человеку, ценят» (23.02.2011).

Таким образом, «транзакции взаимности» (Portes, Sensenbrenner's, 1993, с. 1324) с работодателями в сочетании с персональным «кулинарным капиталом» (см. Толстокурова, 2014) женщины обеспечили ей не только дополнительный заработок, но и возможность приложения своих талантов, причем более прибыльную и комфортную в плане условий труда, чем ее постоянное трудоустройство в Москве. Это согласуется с наблюдением, что хотя контакт сам по себе ассоциируется с более благоприятным

аттитюдным результатом, контакт при благоприятных обстоятельствах (интимных, кооперативных, позитивных, контакт на равных при общих целях) является более эффективным (Pettigrew, Tropp, 2006).

Заключение

Нельзя не согласиться с мнением, что проблема отношения к мигрантам выходит за рамки общей миграционной проблематики, что связано с особенностями локального социума, его этноструктурой, состоянием локального рынка труда. В то же время эта проблема отражает состояние принимающего общества в целом, его ценностных представлений и поведенческих моделей (Попова, Осипова, 2013, с. 88). Проведенное исследование свидетельствует, что спектр аттитюдных моделей по отношению к украинским гостевым работникам в странах назначения миграции может варьировать в широком диапазоне: от «демонизации» мигрантов средствами массовой информации и «дегуманизации» трудовых отношений в семьях работодателей до «актов дарения» и взаимной поддержки, между гостевыми работниками и их хозяевами. Представляется, что последние модели способствуют формированию «эффекта обратной связи» (Beine, Sekkat, 2012, с. 2) между ними, что является неременным условием как для успешных трудовых отношений, так и для повседневных практик социального взаимодействия с коренным населением. В то же время в принимающих обществах об украинцах как о нации сложилась масса негативных стереотипов и предрассудков на основе сексизма, эйджизма и шовинизма, оказывающих неблагоприятное влияние на качество взаимоотношений между гастарбайтерами и местным населением.

В преодолении этого эффекта решающая роль должна принадлежать государству, в частности его политике по отношению к зарубежному украинству. В первую очередь это заключается в лоббировании прав и интересов своих соотечественников, работающих за рубежом, создании положительного имиджа Украины и украинцев для обеспечения их статусных позиций в государствах трудоустройства, заключении международных договоренностей по вопросам положения украинских гостевых работников в странах назначения миграции, поддержке украинской диаспоры и т. д.

Однако, как показывают исследования, во время работы за границей большинство украинцев оказываются вне каких-либо определенных или артикулированных правосубъектностей, т. е. вне пространства взаимоотношений между украинским государством, его учреждениями, гражданами, неправительственными и международными организациями (Марков, 2009, с. 82). Это ставит на повестку дня проблему ответственности государства за своих граждан, в силу обстоятельств оказавшихся за пределами родины. Для ее решения в первую очередь необходимо повышение эффективности государственной миграционной политики, которая должна исходить из принципа, что работающие за рубежом украинцы являются неотъемлемой частью украинской нации и имеют право на соответствующее отношение к ним со стороны государства. Она должна быть нацелена прежде всего на установление взаимопонимания и взаимовыгодного сотрудничества с зарубежными соотечественниками. Для этого следует направить усилия соответствующих государственных органов на совершенствование ее законодательной базы, административного и институционального устройства, усиление информационного сопровождения и финансового обеспечения, а также на реализацию практических программ, нацеленных на плодотворное сотрудничество с «глобальным украинством».

Литература

- Абашин С. Движения из Центральной Азии в Россию: в модели нового мироустройства // Pro et contra. 2014. № 1–2 (62). С. 73–83.
- Акімов Д. Arrivederci Ucraina?... BUON GIORNO Italia... // Атлантична панорама. 2009. № 6 (25). С. 24–28.
- Андреева Т. В. Дискурс-анализ центральной прессы: социально-культурный фон временных трудовых миграций из стран СНГ в Россию // Культура & общество. Интернет-журнал. М.: МГУКИ, 2004. URL: <http://www.e-culture.ru/Articles/2007/Andreeva> (дата обращения: 15.02.2015).
- Бредникова О. Женская трудовая миграция: смена гендерных контрактов? // Гендерные отношения в современной России: исследования 1990-х годов. / Под ред. Л. Н. Попковой, И. Н. Попковой. Самара: Самарский университет, 2003.
- Варшавер Е., Рочева А. Интеграция мигрантов в контексте культурного разнообразия: сообщества мигрантов в «этнических кафе» Москвы // Пути России. Альтернативы общественного развития. 2.0.: Сб. статей. Т. XX. / Под общей ред. М. Г. Пугачевой, А. Ф. Филиппова. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 321–341.
- Гасанов И. Б. Национальные стереотипы и «образ врага». М.: Рос. академия упр-я, 1994.
- Гладарев Б. В поисках «мужских» пространств: рыбалка // Мужской сборник. Вып. 3: Мужчина в экстремальной ситуации. М.: Индрик, 2007. С. 233–243.
- Гофман Э. Ритуал взаимодействия. Очерки поведения лицом к лицу. М.: Смысл, 2009.
- Гошій І. Чоловік-грек заробітчанки з Тернопільщини не відпускає сина в Україну — загублені діти заробітчан // Новини Тернопілля. 30.05.2013. URL: <http://www.0352.ua/article/324650> (дата обращения: 15.02.2015).
- Громашева О. А. Мужское и женское в практиках питания: интерпретации петербургских родителей и детей // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 5 (58). С. 241–251.
- Дацюк С. Россия во лжи // Украинская правда. 14.01.2014. URL: <http://blogs.pravda.com.ua/authors/datsuk/53116eef447b1/> (дата обращения: 15.02.2015).
- Динамика отношения населения Украины к России и населения России к Украине, каких отношений с Россией хотели бы украинцы. Пресс релиз // Сайт Киевского международного института социологии. 04.03.2014. URL: <http://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=236&page=1> (дата обращения: 15.02.2015).
- Дмитриев А. В., Пядухов Г. А. Мигранты и социум: интеграционный и дезинтеграционный потенциал практик взаимодействия // Социологические исследования. 2011. № 12. С. 50–59.
- Дробижева Л. Проблемы толерантности в отношении к мигрантам // Сайт российского совета по международным делам. 25.06.2013. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2021#top (дата обращения: 15.02.2015).
- Європа без бар'єрів. Українсько-іспанський міграційний вектор. Український внесок до міграційної карти ЄС на прикладі Іспанії. Київ, 2012.
- Климчук Г. И. Трудовое рабство — перспективы украинских трудовых мигрантов-нелегалов // Сборник эссе о миграции «Миграционные проблемы в странах Западной Европы, Российской Федерации и других республиках СНГ» / Фонд «АВО Хайматгартен». Одесса: Элтон, 2011. С. 29–34.
- Кон И. Психология предрассудка (О социально-психологических корнях этнических предубеждений) // Психология национальной нетерпимости. Хрестоматия / Сост. Ю. Чернявская. Минск: Харвест, 1998. С. 5–48.
- Косинська Ю. «В Україні, сину, ти робив би все це для своїх...» // Україна молода. № 212. 12.11.2008.
- Левада-Центр. Пресс-выпуск по теме «Международные отношения». 09.02.2015. URL: <http://www.levada.ru/09-02-2015/mezhdunarodnye-otnosheniya?> (дата обращения: 15.02.2015).
- Марков І. Українська трудова міграція в ЄС: Соціологічно-статистичний портрет // На роздоріжжі. Аналітичні матеріали комплексного дослідження процесів української трудової міграції (країни Європейського Союзу та Російська Федерація) / За ред. І. Маркова. Львів: Карітас, 2009. С. 87–122.

Мищенко М. М. Громадська думка росіян щодо України коливається разом з позицією ЗМІ // Сайт Центру ім. Разумкова. 27.06.2013. URL: http://razumkov.org.ua/ukr/expert.php?news_id=4096 (дата обращения: 15.02.2015).

Музика В. Українці в Італії. Кілька років у минуле // Політика і час. Україна в міжнародних відносинах. 2006. № 2. С. 75–80.

Мукомель В. И. Российские дискурсы о миграции: нулевые годы // Демоскоп Weekly. 2011. № 479–480. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2011/0479/demoscope0479.pdf> (дата обращения: 15.02.2015).

Николаевський В. Інтелектуальна міграція та соціальна безпека // Міграція та толерантність в Україні / Ред. Я. Пилинський. Київ: Стилос, 2007. С. 121–126.

Паин Э. Ксенофобия и национализм в эпоху российского безвременья // Pro et contra. 2014. № 1–2 (62). С. 34–53.

Пешкова В. М. Инсценирование «украинскости»: некоторые культурные практики репрезентации этнических различий в современной Москве // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. № 1. С. 136–148.

Померанц Г. Кто такие «чужаки»? // Психология национальной нетерпимости. Хрестоматия / Сост. Ю. Чернявская. Минск: Харвест, 1998. С. 48–58.

Попова И., Осипова В. Отношение принимающей стороны к мигрантам // Вестник общественного мнения. Данные, анализ, дискуссии. 2013. № 1 (114). С. 81–88.

Скребцова Т. Г. Образ мигранта в современных российских СМИ // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23). С. 115–118.

Стрельцова Я. Чужие: «Плюсы» и «минусы» миграции // Вестник Европы. 2005. № 15. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2005/15/str10.html> (дата обращения: 15.02.2015).

Сулейменов И. Э., Габриелян О. А., Шалтыкова Д. Б., Сулейменова К. И. Пространство смысловых кодов современной цивилизации // История и современность. 2014. № 1 (19). С. 46–68.

Толстокорова А. В. «Хлеб наш насущный»: социальная значимость пищевых практик украинских мигрантов // Диаспоры. 2013. № 2. С. 208–230.

Толстокорова А. В. О бедном мигранте замолвите слово: Модернизация маскулинности в украинской трудовой миграции // Диаспоры. 2014. № 2. С. 178–197.

Українцям в Італії соромно за активисток FEMEN // Обозреватель. 09.11.2011. URL: <http://life.obozrevatel.com/boiling/ukraintsam-v-italii-styidno-za-aktivistok-femen.htm> (дата обращения: 15.02.2015).

Українські заробітчани в Італії поставили спектакль «Анти-FEMEN» // Вікна. 06.03.2012. URL: <http://vikna.stb.ua/ua/news/2012/3/6/95921/> (дата обращения: 15.02.2015).

УНИАН. Польские журналисты попросили прощения у украинских женщин: на четырех языках. Новостное агентство УНИАН. 22.06.2012. URL: <http://www.unian.net/politics/665659-polskie-journalisty-poprosili-proscheniya-u-ukrainskih-jenschin-na-chetyreh-yazykah.html> (дата обращения: 15.02.2015).

Филюшкина С. Национальный стереотип в массовом сознании и литературе (опыт исследовательского подхода) // Логос. 2005. № 4 (49). С. 141–155.

Чудиновских О. Россияне будут рады мигрантам с Украины. Интервью интернет-порталу RIA-новости. 09.04.2014. URL: <http://ria.ru/society/20140409/1003215505.html> (дата обращения: 15.02.2015).

Beck U., Beck-Gernsheim E. Distant Love. Cambridge: Polity Press, 2013.

Beine M., Sekkat K. Skilled Migration and the Transfer of Institutional Norms // ERF Working Paper Series. 2012. № 681.

Berg J. A. Race, Class, Gender, and Social Space: Using an intersectional approach to study immigration attitudes // The Sociological Quarterly. 2010. № 1(2). P. 278–302.

Bourdieu P. Masculine Domination. Stanford, CA: Stanford University Press, 2001.

Card D., Dustmann Ch., Preston I. Understanding Attitudes to Immigration: The migration and minority module of the first European Social Survey. Discussion Paper Series, CDP № 03/05. London: CReAM, 2005.

Carlin J., Menjivar M., Schmalzbauer L. Central Themes in the Study of Transnational Parenthood // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2012. № 38 (2). P. 191–217.

Cvajner M. Hyper-femininity as Decency: Beauty, womanhood and respect in emigration // *Ethnography*. 2011. № 12 (3). P. 356–374.

Dobiasova K., Hnilicova H. Migrants from the Former Soviet Union Health and Healthcare in the Czech Republic. Migratory processes in Europe: Evolution of the migratory interactions of the EU and Central and Eastern European countries. Odessa: Ministry of Transport and Communications of Ukraine, 2010. P. 56–57.

D'Ottavio G. Shuttle Female Migration in an Enlarged Europe // *Migration online*, 2006. URL: http://aa.ecn.cz/img_upload/3bfc4ddc48d13ae0415c78ceae108bf5/GDOttavioShuttle_Female_Migration_in_an_Enlarged_Europe.pdf (accessed: 15.02.2015).

Durkheim E. *The Division of Labor in Society*. New York: Free Press, 1984 (1893).

Fiddes N. Where Theory Meets Practice // *Anthropology in Action*. 1993. № 14. P. 6–7.

Haukanes H. Ambivalent Traditions: Transforming gender symbols and food practices in the Czech republic // *The Anthropology of East Europe Review*. 2001. № 21 (1). P. 23–42.

Hood M.V., Morris I.L. Amigo o enemigo?: Context, attitudes and Anglo public opinion toward immigration // *Social Science Quarterly*. 1997. № 78 (2). P. 309–323.

IOM. *Trafficking of Men — a Trend Less Considered. The case of Belarus and Ukraine*. IOM migration research series. № 36. Geneva: International Organization for Migration, 2008.

Jasinskaja-Lahti I., Liebkind K., Perhoniemi R. Perceived Discrimination and Well-being: A victim study of different immigrant groups // *Journal of Community and Applied Social Psychology*. 2006. № 16 (4). P. 267–284.

Kehrberg J.E. Public Opinion on Immigration in Western Europe: Economics, tolerance and exposure // *Comparative European Politics*. 2007. 5. P. 264–281.

Lazaridis G. Les Infirmières Exclusives and Migrant Quasi-Nurses in Greece // *European Journal of Women's Studies*. 2007. № 14 (3). P. 228–245.

Lewycka M. *Short History of Tractors in Ukrainian*. London: Penguin Books, 2005.

Malinkin M. E. *A Wary Welcome: Varying reception of migrants in Russian cities*. Washington, D.C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2013.

Pettigrew T. F., Tropp L. R. A Meta-Analytic Test of Intergroup Contact Theory // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006. № 90. P. 751–783.

Portes A., Sensenbrenner J. Embeddedness and Immigration: Notes on the social determinants of economic action // *American Journal of Sociology*. 1993. № 98 (6). P. 1320–1350.

Pribilsky J. «Aprendemos a Convivir» Conjugal Relations, Co-parenting, and Family Life Among Ecuadorian Transnational Migrants in New York City and the Ecuadorian Andes // *Global Networks*. 2004. № 4 (3). P. 313–334.

Schmalzbauer L. *Striving and Surviving: A Daily Life Analysis of Honduran Transnational Families*. New York: Routledge, 2005.

Şimşek B. The Strategies that Foreign Women Domestic Workers Use to Overcome the Stereotypes They Face in Turkey // *Ethnologia Balkanica*. 2010. № 14. P. 71–85.

Spoonley P. Making Sense of Cultural Diversity: The media and immigration in New Zealand, 1993–2003. Paper presented to the End-users' Seminar on Immigration, Wellington, 2003.

Todorova I. L. G., Falcon L. M., Lincoln A. K., Price L. L. Perceived Discrimination, Psychological Distress, and Health // *Sociology of Health and Illness*. 2010. № 32. P. 843–861.

UNIFEM. *A Needs Assessment of Women Migrant Workers. Central Asia and Russia*. Bratislava: UNIFEM, 2009.

Ward C., Masgoret A. — M., Vauclair M. Attitudes Towards Immigrants and Immigrant Experiences: Predictive models based on regional characteristics. Wellington: Department of Labour, 2011.

Weine S., Golobof A., Bahromov M., Kashuba A., Kalandarov T., Jonbekov J., Loue S. Female Migrant Sex Workers in Moscow: Gender and Power Factors and HIV Risk // *Women & Health*. 2013. № 53 (1). P. 56–73.

Worby P. A., Organista K. C. Alcohol Use and Problem Drinking among Mexican and Central American Im/migrant Laborers: a review of the literature // *Hispanic Journal of Behavioral Sciences*. 2007. № 29 (4). P. 413–455.

Zhurzhenko T. Strong Women, Weak State: Family politics and nation building in post-Soviet Ukraine // *European Journal Women's Studies*. 2004. № 8 (1). P. 29–49.